
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.В. Мозговая
(Москва)

РИСК КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье приводится анализ основных подходов в рамках социально-философской концепции «общества риска» и рискологии. Дается представление о социологии риска, иллюстрируются возможности использования социологического подхода в эмпирических исследованиях и практике управления.

Ключевые слова: риск, социология риска, рисковая коммуникация.

В ряду различных классов событий, нарушающих социальный уклад общества, едва ли не первое место по значимости последствий занимают природные бедствия, техногенные катастрофы, кризисы. Следуя по пути технологической цивилизации, человечество увеличивает производство рисков и опасностей – потенциальный источник катастроф. Очевидно, общество нуждается в углублении знания о социальных и иных последствиях бедствий и катастроф, чтобы успешно их преодолевать, а в идеале – предотвращать.

Понятия «кризис», «катастрофа», «чрезвычайная ситуация», «бедствие» представляются нам производными от категории «риск», которая, на наш взгляд, имеет более фундаментальный характер как с социологической, так и с социально-философской точек зрения. В этой связи уместно поразмышлять, во-первых,

---

Алла Викторовна Мозговая – кандидат философских наук, зав. сектором социологии риска и катастроф Института социологии РАН. E-mail: mozgovai@isras.ru.

о социологической концепции риска в отличие от социально-философской концепции «общества риска», во-вторых, – о проблеме эмпирической интерпретации понятийного поля, связанного с социологическим исследованием риска.

Широкую известность получили представления о риске на социально-философском уровне, в частности, в рамках концепции «общества риска», разрабатываемой прежде всего У. Беком и Э. Гидденсом. Рассуждения У. Бека базируются на теории модернизации. Он трактует переход к эпохе риска как объективную историческую закономерность, как результат действия механизмов модернизации. Этот переход осуществляется через первоначальное возникновение риска как «латентного побочного эффекта» к пониманию того, что риск составляет сущность современного общества.

Общество «втягивается» в «общество риска» главным образом потому, что не рефлексирует ситуацию должным образом и вследствие этого производит все большее количество рисков. Нерефлексирующее общество на первое место по значимости продолжает ставить производство благ, а не минимизацию генерируемых в результате этого производства рисков и опасностей [1].

«Вхождение в общество риска происходит в тот момент, когда риски, которые в настоящее время сознательно (по решению) производятся обществом, подрывают и/или полностью аннулируют установленную систему безопасности в существующем подсчете риска дальновидным государством» [2, р. 31–32].

У. Бек считает, что и саморефлексии недостаточно, чтобы и в «обществе риска» могли существовать эффективный социальный контроль и управление: необходим переход к самокритичному обществу, стремящемуся к самотрансформации.

Подход У. Бека разделяет известный российский социолог О. Яницкий, широко использующий исследовательскую парадигму У. Бека применительно к России. Он, в частности, считает, что возможны два основных типа перехода к новой эпохе: креативный

и деструктивный. Страны, избравшие первый, «в конечном счете увеличивают свой креативный потенциал и жизненный ресурс»; второй тип характеризуется «процессами прогрессирующей модернизации» [3, с. 37–38].

Современная Россия, по мнению О. Яницкого, является «обществом всеобщего риска», предпосылками чего выступают: отсутствие или преимущественно «традиционный», в отличие от «инновативного», характер риск-рефлексии в профессиональной культуре и научном познании; в России имеет место отставание или пренебрежение институционализацией риск-рефлексии; в массовом сознании произошло стирание грани между социальной нормой и патологией [4, с. 24–25].

Э. Гидденс считает риск одной из четырех атрибутивных черт «высокой современности» (или «поздней современности»), отмежевываясь при этом от теории модернизации и постмодернизма. При этом атрибутивность риска в условиях «высокой современности» определяется принципиальной неуправляемостью целого ряда ситуаций и процессов, угрожающих не отдельным индивидам и небольшим сообществам, а человечеству в целом [5, с. 131]. Атрибутами современной социальной действительности он считает универсализм, глобализацию, институционализацию риска, а также усиление риска в результате непреднамеренного побочного действия некоторых факторов, тех или иных человеческих действий.

Собственно социологический подход к риску развивает профессор Билефельдского университета Н. Луман [6]. Признавая продуктивность рационалистической традиции в понимании сущности риска на определенном этапе развития общества, он отмечает, что дихотомия «норма–отклонение» не отражает специфику современного общества, которая, по его мнению, состоит в том, что зависимость будущего от принятия решений многократно возросла. Развитие технологии и сопутствующий такому развитию рост объема знаний способствовали «оккупации» территории Природы, и, как показывает практика, этот процесс скорее деструктивен, чем конструктивен.

Основными категориями социологической концепции риска Н. Лумана выступают коммуникация, решение, технология. Коммуникация и ничто другое является инструментом, посредством которого общество как система производит и воспроизводит себя. «Бесмысленно говорить о том, что современная технология “рискованна”. Только коммуникация о технологии, коммуникация о решениях по поводу использования/неиспользования той или иной технологии может быть “рискованной”; коммуникация, результатом которой станет формирование критерия выбора между альтернативами» [6, р. X].

Полагаем, что любая попытка социально-философского и социологического осмысления феномена риска достойна уважения и самой высокой оценки. Социальная практика и ее социально-философская рефлексия убеждают, что единственной «правильной» теории нет и быть не может, каждая вносит свой вклад в углубление понимания того или иного явления, процесса. Однако приходится констатировать, что эмпирические исследования проблем риска проводятся независимо от теоретико-методологических подходов, описанных выше. Видимо, конкретно-социологический анализ требует своей специфической системы понятий относительно риска, такой, которая позволяла бы производить процедуру операционализации на уровне эмпирических исследований.

Науковедческий анализ фиксирует наличие проблемной области, основным интересом которой являются эмпирические или четко ориентированные на практику управления исследования риска. За этой областью закрепилось название «*рискология*», в рамках которой успешно развиваются самые разнообразные исследовательские направления: анализ риска и безопасности, математические подходы к оценке различных типов риска, управление риском и рисковая коммуникация, социальные и психологические аспекты риска.

Сформировалось сообщество, профессионально занимающееся исследованиями риска. Так, существуют Международное и

Европейское общества анализа риска (Society for Risk Analysis). Проходят ежегодные семинары и конференции, выпускается целый ряд профессиональных журналов, в частности, международный журнал «Анализ риска» («Risk Analysis. An International Journal»). В российском гуманитарном научном сообществе используются результаты исследований известных зарубежных коллег: О. Ренна (Германия), Л. Шоберга (Швеция), П. Словика (США). Среди отечественных ученых социально-экономического профиля необходимо назвать А. Быкова, С. Мягкова, Б. Порфирьева [7; 8; 9]. В 2004 г. создано Российское общество анализа риска – независимая научная организация, осуществляющая свою деятельность в области разработки и применения методологии анализа и управления риском в различных областях научной и практической деятельности. Выходит целый ряд профессиональных журналов, публикующих материалы по проблемам риска.

Понятийный аппарат, разрабатываемый внутри тех или иных исследовательских направлений, отвечает требованиям тех научных дисциплин, теоретико-методологические и методические подходы которых используются. Так, понятийный аппарат исследований, направленных на разработку методологии и методов математической оценки риска, отличается от соответствующего аппарата социальных наук. Справедливости ради следует отметить, что эпоха «технологического тоталитаризма», когда социальное знание считалось второстепенным по сравнению с техническим, пожалуй, заканчивается. «Технари» ищут контактов с социальными учеными, осознавая ограниченность подходов, замыкающихся на внутридисциплинарных аспектах, не позволяющих выйти на проблему безопасности общественных систем и человечества в целом.

Системный подход рассматривает риск как меру опасности, а защищенность как степень устойчивости социальных, экономических, экологических и иных систем от воздействия неблагоприятных факторов [9]. Такой подход представляется продуктивным

для эмпирических социологических исследований риска: такие понятия, как «защищенность», «устойчивость», «опасность» вполне поддаются эмпирической интерпретации. Психология и особенно социальная психология давно и успешно решили проблему операционализации через понятие *восприятия* (risk perception). Социологи, установив, что характер восприятия риска слабо коррелирует со стандартными социально-демографическими признаками, во-первых, предложили различать *тревогу* (worries) и *отношение к риску* (risk judgment), а во-вторых, попытались определить влияние, скажем, мировоззрения (world veiwс) на отношение к риску [10].

Накопив определенный опыт эмпирических исследований риска, социологи приходят к выводу о том, что риск субъективен по своей сущности [11; 12; 13]. Риск не существует вне общества, независимо от сознания и культуры, напротив, общество разработало концепцию риска, чтобы помочь себе понять и взаимодействовать с опасностями и неопределенностями в повседневной жизни. Хотя опасности реальны, нет и не может быть «реального», «объективного» риска.

На наш взгляд, социологический подход к анализу риска непосредственно связан с философской концепцией нестабильности, позволяющей рассматривать законы природы и общества в единстве и взаимосвязи. Исследования социальной направленности получили стимул к развитию по мере осознания ограниченности детерминистической парадигмы в философии естествознания и утверждения идеи нестабильности, которая позволила включить в Природу и человека, чем способствовала преодолению разобщенности между социальными исследованиями и науками о природе.

В детерминистическом мире, как подчеркивает, к примеру, известный современный теоретик в области философии естествознания Илья Пригожин, риск отсутствует, ибо риск есть лишь там, где универсум открывается как нечто многовариантное, подобное сфере человеческого бытия [14]. В детерминистическом мире природа поддается полному контролю со стороны человека, представляя

собою инертный объект его желаний. Если же природе в качестве атрибутивной характеристики присуща нестабильность, то человек просто обязан более осторожно и деликатно относиться к окружающему его миру, хотя бы из-за неспособности однозначно предсказать то, что произойдет в будущем [14].

Позволим себе дать определение риска, возможно, спорное, но продуктивное для развития эмпирического социологического подхода к исследованию риска. Риск мы определяем как *потенциальную возможность угрозы* будущих материальных, физических, психологических, социальных, духовных *потерь* (ущерб здоровью, жизни, мировоззрению, имуществу), обусловленных *субъективным* решением. Опасность может вызвать потери и ущерб, однако, в отличие от риска, эти потери обусловлены неперсонифицированной (бессубъектной) средой. Риск содержит (рождает) конфликты, в то время как опасность создает солидарность. Риск разъединяет, противопоставляет принимающих решения и тех, на кого эти решения распространяются. Ситуация риска предполагает субъект-субъектные отношения – переговоры и поиск приемлемых решений. Риск предполагает отношение, а не восприятие.

Риск – это явление, сущностью которого представляется решение, субъективное по своей природе, и другим оно быть не может. Риск – одно из проявлений решения. Риск осуществившийся, ставший, перешедший в реальность – это чрезвычайная ситуация, кризис, катастрофа. Опасность не является риском до тех пор, пока нет решения действовать, несмотря на опасность.

Подведем некоторые итоги наших рассуждений о риске.

– Риск представляется одним из основных понятий в структуре социологических категорий.

– Социологический подход к исследованию риска базируется на динамическом принципе, сущность которого состоит в принятии посылки о том, что не существует систем, которым был бы имманентно свойствен риск или безопасность; эти категории суть

взаимодействия систем, функционирования и развития процессов внутри и между системами. Человеческая деятельность и социальные изменения постоянно модифицируют социальный, институциональный, групповой, личностный уровни уязвимости.

– Социология признает тот факт, что катастрофы являются продуктом функционирования социальных систем. Тем самым событийный подход, в рамках которого катастрофа принималась как несчастный случай, в социологической парадигме заменяется на социопроблемный, в котором акцент переносится на социальный контекст катастроф, на социальные процессы и структуры, в границах которых происходят катастрофы и идет процесс посткатастрофного восстановления.

– Социологический подход к изучению риска предполагает выход на социальный, институциональный, организационный уровни уязвимости, что означает реализацию системного уровня анализа в отличие, к примеру, от психологии, работающей на индивидуальном и групповом уровнях.

– Одной из центральных исследовательских проблем в социологической парадигме риска является проблема социального размещения (распределения, транслирования) риска и неравных условий опасности для различных сегментов общества. Задача социологии – проанализировать те процессы и механизмы, посредством которых риск навязывается людям: оценка приемлемости риска принадлежит социальным институтам, а не населению. Проблема состоит в том, что риски в обществе распределены неравномерно и рискам зачастую подвергаются те люди, которые в наименьшей степени способны с ними справиться. Одной из базовых в социологической концепции риска, таким образом, становится связка «риск–власть»: обладание политической и экономической властью означает возможность навязывания риска.

– Продуктивность моделей рискованной коммуникации зависит от осознания необходимости отхода от бихевиористской модели «стимул–реакция» (в нашем случае «информатор–реципиент») и

как следствие – от понятия «восприятие риска». Пассивность реципиента дает неограниченные возможности манипулирования общественным сознанием. Построение идеологии рискованной коммуникации на базе понятия «отношение к риску» позволит всех субъектов коммуникации (государственные органы, эксперты, коммуникаторы, население) поставить в относительно равные условия, наделив их статусом социальных акторов, субъектов оценок риска и решений, с ним связанных, в отличие от пассивных «воспринимателей» риска.

Приведем некоторую иллюстрацию возможностей описанного выше социологического подхода к анализу риска на базе эмпирического материала. Нам представляется, что для социолога одной из ключевых проблем эмпирического исследования является готовность общества к «размену рисков» [8], признанию одних рисков приемлемыми как менее значимых и более отдаленных по времени по сравнению с какими-либо другими, которые считаются близкими и неприемлемыми. Полагаем, во-первых, что имеются некоторые установки по отношению к допустимости тех или иных рисков (варианты размена рисков), во-вторых, факторы, коррелирующие с этими установками, например, степень важности объектов защиты от возможного ущерба.

В двух эмпирических исследованиях мы предложили респондентам высказаться по поводу допустимости перечисленных ниже рисков:

- материальный (потеря имущества, собственности);
- физический (ухудшение, утрата здоровья);
- психологический (стресс, потеря контроля над своей жизненной ситуацией);
- социальный (потеря работы, служебного положения, статуса);
- духовный (игнорирование гуманистических идеалов, обесценивание человеческой жизни);
- моральный (изменение жизненного уклада, слом жизненных планов);

– экономический (финансовые потери, утрата или обесценивание сбережений).

В инструментарий опроса был включен целый ряд переменных, корреляцию которых с установками по отношению к допустимости рисков мы надеялись найти. Ниже приводятся некоторые результаты анализа эмпирических данных, базой для которого выступили два массива эмпирических данных: репрезентативного выборочного опроса жителей нескольких населенных пунктов Центральной России (Московская и Тульская области) и опроса жителей Сахалинской области¹. В каждом массиве мы выделили по три типологических группы респондентов:

– «риск-толерантные» – это те, кто на вопрос о допустимости рисков² по каждому из семи типов отвечают, что риск допустим или допустим при определенных обстоятельствах;

– «риск-противники» – это те, кто на тот же вопрос по каждому из семи типов рисков отвечают, что он недопустим;

– «риск-дифференцирующие» – это те, кто по тому же вопросу одни типы рисков допускают, а другие считают недопустимыми.

Численно типы распределились следующим образом.

Таблица 1

ОТНОШЕНИЕ К ДОПУСТИМОСТИ РИСКОВ В ДВУХ МАССИВАХ
ОПРОШЕННЫХ, % к количеству опрошенных в каждой группе

Типологические группы	Центральная Россия N = 452	Сахалинская область N = 499
(1) «риск-толерантные»	24	33
(2) «риск-противники»	15	10
(3) «риск-дифференцирующие»	61	57
Итого	100	100

¹ Исследование выполнено в рамках гранта 03-77918-000-gss, предоставленного Фондом Дж. и К. Мак-Артуров.

² Материальный ущерб, физический ущерб, психологический ущерб, социальный ущерб, духовный ущерб от деградации окружающей среды, моральный ущерб от изменения жизненного уклада, слома жизненных планов, экономический ущерб.

Дальнейший анализ строился по следующей схеме: устанавливалось наличие или отсутствие существенных различий между «риск-толерантными» и «риск-противниками». При этом «риск-дифференцирующие» для нас выступали как «контрольная» группа, отражающая относительную «норму».

Анализ позволил зафиксировать некоторые характерные черты «риск-толерантных» и «риск-противников» (соответственно включающих в среднем 24% и 15% населения), являющихся самой убежденной и твердой во взглядах его частью.

«Риск-толерантные» преимущественно имеют возраст от 18 до 40 лет, среднее или среднее специальное образование. По субъективным оценкам уровень материальной обеспеченности – «едва хватает на питание и недорогую одежду». Здоровье хорошее. Отличаются внимательным отношением к своему здоровью. В этой типологической группе больше тех, кто ни во что не верит, и меньше всего склонен верить в человека. Не согласны, что риск дает определенные гарантии. При этом считают, что проживание в условиях риска можно компенсировать. Считают, что им присущи такие качества, как исполнительность, дисциплинированность, ответственность, высокие ожидания от жизни, высокий уровень ответственности за свою жизненную ситуацию. «Риск-толерантные» ориентированы на рыночную экономику и свободу личности.

«Риск-противники» преимущественно находятся в возрастной группе от 51 года и старше. Высока доля лиц с высшим образованием. Высок удельный вес неработающих, преимущественно пенсионеров. По материальному положению принадлежат либо к группе относительного достатка, либо к бедствующим. Здоровье «риск-противников» ухудшается. Социальная защищенность оценивается низко. Опыт жизненных потерь больше, чем у «риск-толерантных». Считают, что проживание в условиях риска дает социальные гарантии, но уверены, что компенсировать риск, в принципе, нельзя.

«Риск-противники» считают себя исполнительными, дисциплированными, ответственными, твердыми во взглядах, ориентированными на спокойную жизнь. Уровень субъективного контроля невысокий. В значительной степени разделяют такие мировоззренческие стереотипы («картины мира»), как «технологический энтузиазм», «эгалитаризм», «иерархия».

Знание о специфике таких групп населения, как «риск-толерантные» и «риск-противники», на наш взгляд, дает значимую информацию разработчикам решений в ситуациях риска.

Не менее значимой для лиц, принимающих решения, представляется информация о том, какой вариант поведения в ситуации «размены рисков» намерено реализовать население.

Как видим, региональные различия между однотипными группами существенные. Следовательно, и управленческие решения не могут быть одинаковыми. Обеспечить учет специфики конкретной ситуации может социальная технология, получившая название *рисковой коммуникации*, представляющей собою процесс целенаправленного общения социальных субъектов для выработки решений относительно управления рисками и кризисами, а также для проектирования механизмов реализации этих решений. Продуктивность моделей рисковой коммуникации, в свою очередь, напрямую связана с социологической поддержкой, обеспечивающей создание программ социально-экономической безопасности и развития, ориентированных на гуманистические ценности и устойчивое развитие.

Таблица 2

ХАРАКТЕР РЕШЕНИЯ В ПРОЖЕКТИВНОЙ РИСКОВОЙ СИТУАЦИИ ГРУПП,
РАЗЛИЧАЮЩИХСЯ ОТНОШЕНИЕМ К ДОПУСТИМОСТИ РИСКА,
% к количеству опрошенных в каждой группе

Характер решения	Центральная Россия			Сахалинская область		
	Риск-толерантные	Риск-противники	Риск-дифференцирующие	Риск-толерантные	Риск-противники	Риск-дифференцирующие
	<i>N</i> = 107	<i>N</i> = 66	<i>N</i> = 279	<i>N</i> = 164	<i>N</i> = 48	<i>N</i> = 288
Осознанно примут жизнь в условиях риска (вероятности ущерба)	8	3	8	7	8	6
Не принимая внутренне жизнь в условиях риска, смиряются с ситуацией	50	52	52	26	35	27
Не принимая жизнь в условиях риска, будут протестовать, например, против работы или строительства вредного предприятия	36	39	33	61	44	54
Не принимая жизнь в условиях риска, сменят место жительства	6	6	7	6	13	13

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бек У.* Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс–Традиция, 2000.
2. *Beck U.* Risk Society and the Provident State // Risk, Environment and Modernity. L.: Sage Publications, 1996.
3. *Яницкий О.* Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Ред. Т. Заславская. М., 1997.
4. *Яницкий О.* Социология и рискология // Россия: риски и опасности «переходного» общества. М.: Ин-т социологии РАН, 1998.
5. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
6. *Luhmann N.* Risk: A Sociological Theory. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1993.
7. *Быков А.А.* Основные результаты и перспективы исследований в области анализа риска // Наука и стратегия на службе безопасности. М.: Деловой экспресс, 2005.
8. *Мягков С.М.* Проблемы отношения общества к риску // Проблемы анализа риска. 2004. Т. 1. № 2.
9. *Порфирьев Б.Н.* Риск и безопасность: определение понятий // Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М.: Ин-т социологии РАН, 2001.
10. *Sjöberg L.* Worry and Risk Perception // Risk Analysis. 1998. Vol. 18. No. 1.
11. *Peters E., Slovic P.* Perception of Risk // Science. 1987. No. 236 (4799).
12. Risk Is a Construct: Perception of Risk Perception / Ed. by B. Ruck. München: Knesebeck, 1993.
13. *Slovic P., Peters E.* The Role of Affect and World Views as Orienting Dispositions in the Perception and Acceptance of Nuclear Power // Journal of Applied Psychology. 1996. Vol. 26. No. 16.
14. *Пригожин И., Стенгерс С.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: УРСС, 2000.